

Но так как почерк этих строк несколько не походил на почерк, которым написана остальная часть тетради, то издатель и почитает себя вправе заключить, что вышеупомянутые строки приписаны были впоследствии другим лицом, тем более что до сведения его (издателя) дошло, что г-н Чулкатурин действительно умер в ночь с 1 на 2 апреля 18.. года, в родовом своем поместье Овечьи Воды.

ТРИ ВСТРЕЧИ

Passa que'colli e vieni allegrementi;
Non ti curar di tanta compagnia —
Vieni, pensando a me segretamente —
Ch'io t'accompagni per tutta la via *.

I

Никогда я, бывало, не ездил так часто на охоту в теплые лета, как в село Глинное, лежащее в двадцати верстах от моей деревни. Около этого села находятся самые, может быть, лучшие места для дичи в целом нашем уезде. Выходив все окрестные кусты и поля, я непременно к концу дня заворачивал в соседнее, почти единственное в окрестке болото и уже оттуда возвращался к радужному моему хозяину, глиняному старосте, у которого я постоянно останавливался. От болота до Глинного не более двух верст; дорога идет всё ложинкой, и только на половине пути приходится перебираться через небольшую холм. На вершине этого холма лежит усадьба, состоящая из одного необитаемого господского домика и сада. Мне почти всегда случалось проходить мимо нее в самый разгар вечерней зарю, и, поминутно всякий раз этот дом, со своим наглухо заколоченными окнами, представлялся мне слепым стариком, вышедшим погреться на солнце. Сидит он, сердечный, близ дороги; солнечный блеск давно сменился для него вечной мглой; но он чувствует его по крайней мере на приподнятом и вытянутом лице, на согретых щеках. Казалось, давно никто не жил в самом доме; но в крошечном флигеле, на дворе, помещался дряхлый вольноотпущенный человек, высокий, сутуловатый и седой, с выразительными и неподвижными чертами лица. Он, бывало, всё посиживал на лавочке под единственным окошком флигеля, с горестной задумчивостью поглядывая вдаль, а увидев меня, приподнимался немного и кланялся с той медлительной важностью, которой отличаются старые дворовые, принадлежащие к поколе-

* Перейди через эти холмы и приходи весело ко мне: не забываясь о слишком большом обществе. Приди один и во все время дороги думай обо мне, так чтоб я была твоим товарищем на всем пути.

нию не отцов наших, а дедов. Я заговаривал с ним, но он не был словоохотлив: я только узнал от него, что усадьба, в которой он жил, принадлежала внуку его старого барина, вдове, у которой была младшая сестра; что обе они живут в городе да за морем, а дедом и не показываюся; что ему самому поскорей хочется дожить свой век, потому что «куеешь, жуешь хлеб, инда тоска возьмет: так давно жуешь». Старика этого звали Лукьянычем.

Однажды я как-то долго замешкался в поле; дичи попалось порядочно, да и день вышел такой для схода хороший — с самого утра тихий, серый, словно весь пролинявший вечером. Я забрел далеко, и уже не только совершенно стемнело, но луна взошла, а ночь, как говорится, давно *сначала* на небе, когда я достиг знакомой усадьбы. Мне пришлось идти вдоль сада... Кругом была такая тишина...

Я перенел через широкую дорогу, осторожно пробравшись сквозь запыленную крапиву и прибрежную к низкому плетню. Непотыкно лежал перестояною небольшой сад, весь озаренный и как бы успокоенный серобристыми лучами луны, — весь благовещенный и влажный; разбитый до-старинному, он состоял из одной продолговатой поляны. Крайние торчки склонились на самой ее середине в круглую калумбу, туго заросшую астрами: высокие липы окружали ее правой каймой. В одном только месте прерывалась эта кайма саженн на две, и сквозь отверстие виднелась часть низенького дома с двумя, к уланскому досугу, освещенными окнами. Молодые астры кое-где возвышались над поляной; сквозь их редкие ветви, в темноту silently ночное небо, зияла дремлющий свет луны; перед каждой яблоней лежала на белесой траве ее слабая пострай тека. С одной стороны сада липы садились на зеленели, облитые неподвижным, бледно-ярким светом; с другой — они стояли все черные и негнущиеся; страшный, сдержанный шорох возникал до времени в их сплошной листве; они как будто звали на пропадавшие под ними дорожки, как будто манили под свою глухую сень. Все небо было испещрено звездами: таинственно струилось с вышины их голубое, мягкое мерцанье; они, казалось, с тихим вниманьем глядели на далекую землю. Малые, тонкие облака, изредка на-

летая на луну, превращали на мгновение ее спокойное сияние в неясный, но светлый туман... Всё дремало. Воздух, весь теплый, весь пахучий, даже не колыхался; он только изредка дрожал, как дрожь вода, возмущенная падением ветки... Какая-то жажда чувствовалась в нем, какое-то мление... Я нагнулся через плетень: передо мной красный полевой мак поднимал из заглохшей травы свой прямой стебелек; большая круглая капля ночной росы блестела тонким блеском на дне раскрытого цветка. Всё дремало, всё нежилось в кругу; всё как будто глядело вверх, вытянувшись, не шевелясь и выжидая... Чего ждала эта теплая, эта не заснувшая ночь?

Звук ядала он; живого голоса ждала эта чуткая тишина — не всё молчало. Соловьи давно перестали петь... а внезапное гудение мимолетного жука, легкое чмоканье мягкой рабы в саянке за липами на конце сада, сонливый свет встревоженной птички, далекий крик в поле, — до того далекий, что ухо не могло различить, человек ли то прокричал, или зверь, или птица, — короткий, быстрый тонот по дороге — все эти слабые звуки, эти шажки только усугубляли тишину... Сердце во мне томилось неизъяснимым чувством, похжим не то на ошандье, не то на воспоминание счастья; я не смел шевельнуться, я стоял неподвижно перед этим немым лунным садом, облитым лунным светом и росой, и, не зная сам почему, неотступно глядел на те два окна, тускло краснели в мягкой волутени, как будто роняла в доме аккорд, — раздавался и прокатился волною... Раздражительно звонкий воздух отрянул эхом... я нервно вздрогнул.

Вслед за аккордом раздался женский голос... Я жадно стал вслушиваться — и... могу ли выразить мое изумление! два года тому назад, в Италии, в Сорренто, слышал я ту же самую песню, той же самый голос... Да, да...

Vieni, pensando a me sordidamente...

Это сон, я узнал их, это те звуки... Вот как это было. Я возвращался домой после долгой прогулки на берегу моря. Я быстро шел по улице; уже давно настала ночь, — великодушная ночь, южная, не тихая и грустно задумчивая, как у нас, нет! вся светлая, рос-

кошная и прекрасная, как счастливая женщина в цвете лет; луна светила невероятно ярко: большие лучистые звезды так и шевелились на темно-синем небе; резко отделялись черные тени от освещенной до желтизны земли. С обеих сторон улицы тянулись каменные ограды садов; апельсиновые деревья поднимали над ними свои кривые ветки, золотые шары тяжелых плодов то чуть виднелись, спрятанные между переставными листьями, то ярко рдели, пышно выставившись на луну. На многих деревьях нежно белели цветы: воздух весь был напоен, благоуханием томительно сильным, острым и почти тяжелым, хотя невыразимо сладким. Я шел и, призываясь, успев уже привыкнуть ко всем этим чудесам, думал только о том, как бы поскорей добраться до моей гостиницы, как вдруг из одного небольшого павильона, надстроенного над самой стеной ограды, вдоль которой я спешил, раздался женский голос. Он шел какую-то песню, мне знакомую, и в звуках его было что-то до того призывное, он до того казался сам проникнут страстным и радостным обаяньем, выразительным словами песни, что я тотчас невольно остановился и поднял голову. В павильоне было два окна; но в обоих жалузи были спущены, и сквозь узкие их трещинки едва струился матовый свет. Повторив два раза — *viene, viene*, голос замер; послышался легкий звон струн, как бы от гитары, упавшей на ковер, платье зашестелело, пол слегка скрипнул. Полоски света в одном окне исчезли... кто-то изнутри подошел и приоткрыл ставню к нему. Я сделал два шага назад. Вдруг жалюзи стукнуло и распахнулось; стройная женщина, вся в белом, быстро выставила из окна свою прелестную голову и, протянув ко мне руки, проговорила: «*Sei tu?*»¹ Я потерялся, не знал, что сказать, но в то же мгновение незнакомка с легким криком откинулась назад, жалюзи захлопнулось, и огонь в павильоне еще более померк, как будто вынесенный в другую комнату. Я остался неподвижен и долго не мог опомниться. Лицо женщины, так внезапно появившейся передо мною, было поразительно прекрасно. Оно слишком быстро мелькнуло перед моими глазами для того, чтобы я мог тотчас же запомнить каждую отдельную черту; но

¹ «Это ты?» (Итал.)

общее впечатление было несказанно сильно и глубоко... Я тогда же почувствовал, что этого лица я ввек не забуду. Месяц ударял прямо в стену павильона, в то окно, откуда она мне показалась, и, боже мой! как великолепно блеснули в его сиянии ее большие, темные глаза! какой тяжелой волной упали ее полураспущенные черные волосы на приподнятое круглое плечо! Сколько было стыдливой неги в мягком склоне плеча ее стана, сколько благи в ее голосе, когда она окликнула меня — в этом торопливом, но все еще звонком шепоте! Простояв довольно долго на одном и том же месте, я, наконец, отошел немного в сторону, в тень противоположной ограды, и стал оттуда с каким-то глубоким недоумением и ожиданием поглядывать на павильон. Я слушал... слушал с напряженным вниманием... Мне то будто чудилось чье-то тихое дыхание за потемневшим окном, то слышался какой-то шорох и тихий смех. Наконец, раздался в отдалении шаг... они приближались; мужичья такого же почти роста, как я, подле самого павильона, которой я прежде не заметил, стукнул, не оглядываясь, два раза железным ее колом, подождь, стукнул опять и запел вполголоса: «*Esso idente...*»¹ Калитка отворилась... он без шума скользнул в нее. Я встрепелся, покачал головой, расставил руки и, сурово нагнув шляпу на брови, с недовольством отправился домой. На другой день я совершенно напрасно и в самый жар проходил часа два по улице мимо павильона и в тот же вечер уехал из Сорренто, не посетив даже Тассова дома.

Пусть же теперь вообразят читатели то изумление, которое внезапно овладело мной, когда я в стене, в одной из самых глухих сторон Сорренти, услышал тот же самый голос, ту же песню... Как и тогда, теперь была ночь; как и тогда, голос раздался вдруг из освещенной незнакомой комнаты; как и тогда, я был один. Сердце во мне сильно билось. «Не сон ли это?» — думал я. И вот раздалось снова последнее: *Vieni...* Неужели растворится окно? неужели в нем покажется женщина? Окно растворилось. В окне между нами было шагов

¹ «Вот веселый...» (Итал.)